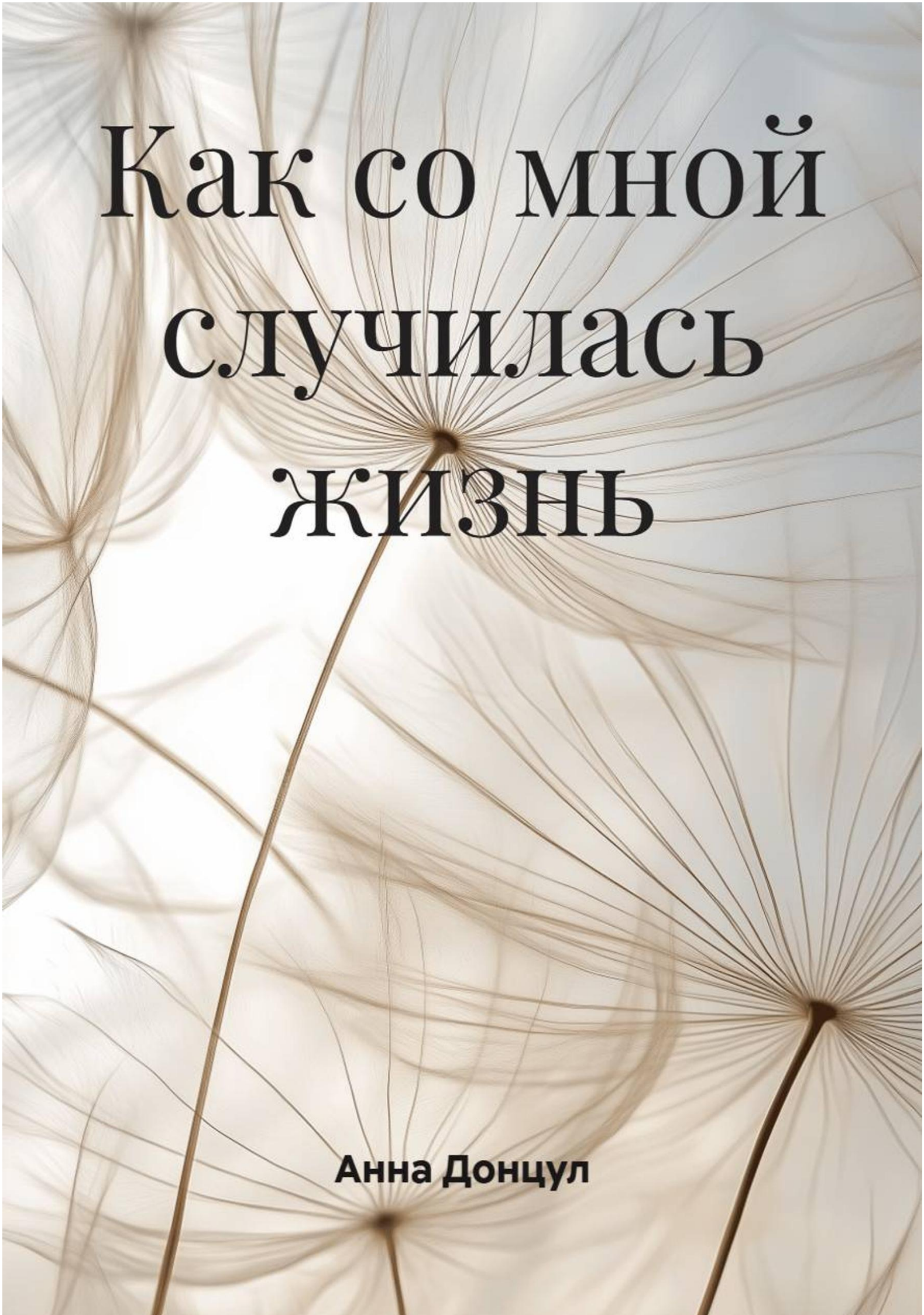

Как со мной случилась жизнь

Анна Донцул

Анна Донцул

Как со мной случилась жизнь

«Автор»
2026

Донцул А. П.

Как со мной случилась жизнь / А. П. Донцул — «Автор», 2026

История переплетения судеб двух девушек, попавших в больницу. У главной героини онкологическое заболевание, и она проходит химеотерапию, где знакомится с необычной девушкой. Это рассказ о жизни и смерти с философским уклоном, это своеобразный взгляд на экзистенцию, с которой встречается человек на сложном этапе жизни.

© Донцул А. П., 2026
© Автор, 2026

Анна Донцул
Как со мной случилась жизнь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы так крепко держимся и отчаянно боремся за свою жизнь, пытаясь все контролировать в ней, что не осознаем, как в этот момент упиваемся жалостью к самим себе, пытаясь доказать, что сильные.

«Борись, борись», – повторяют все вокруг раковым больным, чтобы утешить их, убедить ждать спасения и не терять надежды на излечение. И они живут в мире с остальными, а сами при этом находятся на войне с собой. И они готовы умереть в этой битве, лишь бы наступил мир, а пока этого не произошло – продолжают цепляться за нити, что тянут вперед, вместо того, чтобы просто остановиться и признаться в том, что на самом деле исчерпали себя.

Она прекратила бороться. Она так устала, что освободила себя от груза ответственности за собственную жизнь. Не это ли путь к свободе, которую все так жаждут и молятся каждый раз, когда корчатся от очередного курса химиотерапии? А ведь теперь у них есть на это право. Право отпустить все, без сожалений и без упования даже на самого Господа Бога, который ведет на их же встречу с самими собой?

ГЛАВА 1

***

– Я опять прячу эмоции и проваливаюсь в пустоту, лишь бы не испытывать эту боль, ведь проще не замечать. Но из-за этого я забываю ее настолько, что вообще перестаю чувствовать и предаю ее. А ведь она всегда с мной, если хотите, можно называть ее душой. Эта часть нас — самая чистая и невинная. Заключенная в оболочку физического тела, душа, которую мы перестаем слышать из-за шума вокруг, и мы всегда будем страдать от этого. Страдания — это нечто неотъемлемое. Сначала мы живем в иллюзии, что пришли сюда для чего-то прекрасного, и пол жизни тратим на построение своего мира, но рано или поздно приходит время, увидеть, что тут не так уж и хорошо, и все что мы знаем о себе было тоже придумано. Мне кажется все приходят в итоге к этому разочарованию. Это и есть реальность. Просто я слишком рано к нему пришла. Не знаю, откуда это взяла, но с детства все, что я делала, это страдала, и искала в этом хоть какой-то смысл…

– А где сейчас ваш внутренний ребенок?

– Стоит и молча смотрит на меня.

– А почему она страдает?

– Просто страдает от всего: от одиночества, от неразделенной любви или от того, что вокруг много насилия и несправедливости. Страдает, что просто человек…

– Есть у вас яркое воспоминание о детстве?

– Я помню, как, долго смотрела и думала о соседской собаке, которая спит на сугробе зимой, на улице в минус 20. Она свернулась калачиком, и снег запорошил ее так, что собака сама стала как сугроб. Она лежит, не двигаясь, ровная белая пелена укрыла ее одеялом. Она иногда открывает свои грустные черные глаза, и я чувствую, насколько сейчас дорога ее жизнь, как ее сковывает холод, и как маленькое тельце пытается согреться и выжить. Я думала о смысле жизни и о нашей ничтожности. Я думала, что в этом должно быть что-то…

– Думали о ценности момента?

– Да...именно момента. Мне страшно, что реальность такая… может тогда я увидела разницу между своей детской частью и миром, который не рад мне, но нам всем приходится тут выживать, и мы не сильно отличаемся от этой собаки. Отец, который проявляет насилие из-

за страха собственной слабости, который никогда себе в этом не признается. Мать, утопающая в своей боли, которую не может выразить, поэтому не прекращает тяжелую женскую работу в виде готовки, стирки и еще много чего, чтобы это окончательно измотало ее. Она не может остановиться, потому что тоже боится, только в отличие от собаки, мы боимся не смерти, а этой жизни…

– А вы знаете как это исправить?

– Да. Надо умереть.

ГЛАВА 2
Кокон не знает, что такое бабочка, и каждая смерть — это всегда новое рождение

Она подошла к окну и посмотрела на небо сквозь щель приоткрытых жалюзи, повисшее серой пеленой, без единого проблеска света, хмурое и давящее, оно еще больше убедило *ее* в том, что идти больше некуда. *Она* вглядывалась в его пустоту, как будто пытаясь найти там ответы: почему *она* заболела, почему именно *она*, почему сейчас…

Прошлая жизнь все чаще и чаще всплывала в *ее* памяти, в виде воспоминаний и сожалений о потерянном времени. При этом и мысли о будущем казались еще более жестокими, потому что рисовали туманное представление никогда не исполнявшихся ожиданий от жизни. О*на* – оставила: одну половину себя, отчаявшуюся и больную, – умирать, а вторую – жить. Теперь эта вторая половина – это серое небо за окном. А первая стала тенью, которая бродит за *ней*, как напоминание о том, от чего бежала *она* всю свою жизнь пока не оказалась тут в этой больнице. Она стояла в комнате, которая уже видела смерть и отчаянье, и вместе с тем, проявление смелости, для примирения с судьбой, как бы та не была несправедлива.

Следующей ночью *ей* приснился сон. Перед *ней* стояла красивая статная девушка, и она сказала: «Ты завидуешь мне, потому что я — свободна, а ты — нет».

А утро началось, как всегда.

Медсестра зашла в палату и включила свет. На часах семь утра.

Она спала всегда на спине, так как боялась пережать провод, по которому течет раствор, иначе инфузомат — прибор, контролирующий дозирование этого раствора, — начинал пищать на всю палату. Тогда ей приходилось вставать и снова идти на пост к медсестре, чтобы та его перенастроила. И хотя на это никто уже не обращал внимания, *она* боялась посреди ночи помешать спать остальным пациентам, пусть большинство из них никогда и не спало, а просто дремало, не разбирая, когда день, а когда — ночь.

Не открывая глаз, *она* спросила у соседки:

– Вам свет нужен?

– Нет, — ответила та.

Она встала, выключила свет, полежала еще пятнадцать минут и только потом пошла на пост медсестры — измерять давление, вес, температуру. Записала все показатели напротив своей фамилии и зачем-то сравнила цифры с другими пациентами. Вернулась в палату и легла обратно спать. Через час проснулась от крика медсестры:

– Идем на промывку! Кому нужны капельницы — они висят в коридоре. Смотрите на фамилии, все подписано.

Окончательно проснувшись, *она* встала и пошла на промывку ЦВК (центрального венозного катетера), он вшит в яремную вену, ту, что на шее, из-за чего кажется, будто *она* постоянно привязана к штативу с капельницей, как собака к своей будке, у которой *ее* кормят. Сначала *ей* было дискомфортно все время таскать за собой эту третью ногу, ходить с вечно болтающимися банками, которые раскачивались от темпа движения, но через пару недель *она* привыкла к этому ритму больничной жизни. Теперь *она,* как и все пациенты, шла по коридору, еле перебирая ногами.

Еще через месяц непрерывной инфузии, беспорядочного сна и от ежедневно повторяющихся действий стало все равно, что происходит вокруг, и о*на* окончательно привыкла к капельницам, и к постоянной слабости. Все выглядело, как глупая, нелепая игра, с правилами контроля приема таблеток, заполнения таблиц: сколько раз ты сходил в туалет и сколько раз тебя вырвало. И когда *она* видела, как по коридору идет вновь поступивший пациент, *она* делала самое несчастное лицо, но не потому, что хотела жалости, а потому, что вспоминала, как сама, поступивши в отделение наивно думала, что знает, как играть в эту игру, а оказалось — нет.

Каждое утро *она* брала две бутылки с разведенными препаратами. Всегда холодные. Взяв очередную дозу, приложила одну к телу, чтоб согреть раствор перед введением, зашла в процедурную. Сегодня дежурила Алла Николаевна (или Алла, как между собою звали ее пациентки), женщина уже в возрасте, с русыми волосами, всегда собранными на макушке в хвост. Она приветливо улыбнулась, это было понятно по ее горящим глазам, так как на пол-лица она, как и весь персонал больницы, носила медицинскую маску:

– Делаем глубокий вдох, – скомандовала Алла: – Почему Нина не пришла?

– Нина еще спит, ей вчера переливание крови делали…

Она знает, что после приема всех пациентов Алла зайдет к ним в палату и обязательно проверит Нину, скажет что-то одобряющее, а может, еще постоит и пошутит, чтобы поднять всем настроение.

Тем временем *она* делает вдох, а Алла вытягивает кровь шприцем из вены на шее. На руках вен больше найти не могут, и *она* вдыхает как можно глубже, чтобы не закружилась голова. Кровь тоже берут каждый день, чтоб отслеживать состояние организма. Иногда по нему что-то меняют в плане приема препаратов. Но не важно, прозрачные жидкости или желтые, в маленьких стеклянных баночках или в больших, литровых, — тошнило от всего, от одной мысли о том, что постоянно что-то вливают. Тошнило 24 часа в сутки — от запахов, от мыслей, от самих себя.

– Спасибо, – благодарит *она* Аллу, и идет обратно, к себе на койку, в которой проведет остаток сегодняшнего дня.

Только *она* успела скинуть тапочки, прилечь и закрыть глаза, как опять донесся крик из коридора:

– За-а-автрак. — Девочки, берите яйцо. Почему все перестали его есть?!

Принесли завтрак.

Она мысленно отвечает: «Потому что мы едим его третий месяц подряд, и нас тошнит от одного этого слова».

Лениво встает с кровати, увидев, что Нина, крадется в сторону выхода, как раненный боец из советских фильмов:

– Не вставай, я тебе принесу.

Нина улыбнулась:

– Не могу я уже лежать, как тюлень, надо как-то расшевеливать себя. — А у самой голова раздута от лимфомы так, что глаза с каждым утром становятся видны все меньше и меньше.

Химиотерапия ей дается тяжело, каждый раз с высокой температурой, из-за этого приходится прекращать курс и начинать курс антибиотиков, от чего Нина вообще не может ничего есть. Лимфома поразила ее костный мозг, и из-за этого организм уже не может восстановиться, и ей никак не могут продолжить курс лечения. Нина всю жизнь проработала в шахте Норильска. Женщина-шахтер, в ее обязанность входило обслуживание датчиков по сбору данных, ей надо было спуститься на глубину два километра вниз на лифте, идти пешком по туннелю пару километров, дойти до датчиков, измеряющих количество сероводорода и метана, и идти обратно, и это все занимает полный рабочий день. Нина рассказывала про шумы, которые

издает земля, то, как она гудит и стонет, там внизу, под нами, как будто куча криков людских душ из самой преисподние.

– Возможно, ад и существует, – говорила Нина.

Только для нее он — наверху, прямо здесь и сейчас, а точнее, он внутри каждого.

Она взяла завтрак.

– Спасибо.

Вечно недовольная пухлая женщина, лет 50-и, молча, положив овсяную кашу в тарелку, протянула *ей*.

Что бы не давали на завтрак, *она* запихивала его в себя, потому что знала: когда начнется курс химии, *она* не сможет вообще есть, а надо иметь хоть какой-то запас сил, чтобы вынести очередную дозу и не превратиться в свою соседку.

Еда давно перестала приносить удовольствие. Все было либо безвкусным, либо с извращенным вкусовым восприятием. Соблюдалась строгая диета: ничего сырого, острого, жирного, сладкого, соленого, все постное, переваренное до состояния каши, поэтому еда имела одну определенную консистенцию, иначе желудок вообще не сможет это переварить или схватишь какое-нибудь осложнение в виде воспаленной слизистой. Даже если проглоченное выходило обратно, *она* ела, зная: чем больше *она* будет есть, тем быстрее восстановится организм, тем скорее пройдет курс, и *она* будет ждать нового. Для *нее* это каждый раз было победой, как в марафоне, в котором выигрывает либо *она*, либо смерть.

Она вернулась в палату. Из туалета доносились звуки рвотного процесса. Еще пару дней — и *она* так же будет обниматься с унитазом, и зависит это от показателей крови, которую, пока отходишь от очередной дозы химии, начинают параллельно стимулировать для выработки соматических клеток, чтобы в дальнейшем сделать пересадку этого же костного мозга. Это называется ауто-ТКМ. То, ради чего она и оказалась здесь. Это второй страх, который ходил в разговорах пациентов, поскольку не всем удавалось собрать для пересадки достаточное количество клеток. Приходилось либо ждать по полгода донора, либо покупать их за большие деньги. *Она* тоже боялась, что *ее* собственных клеток не хватит, и каждый раз, когда *ее* тело ломало от дозы очередной стимуляции, *она* радовалась, ведь, чем больнее выворачивались кости, тем активней проходил выброс соматических клеток в кровь.

Несмотря на то, что врачи рекомендовали не терпеть боль, *она* предпочитала пострадать, потому что из-за постоянного обезболивания вообще переставала чувствовать, что *ее* тело принадлежит *ей* и только когда от боли *она* уже не могла сидеть, то просила поставить укол. Когда ее же костный мозг прекращал надо *ней* издеваться, *она* понимала, что теперь в любой момент в коридоре может увидеть препарат с ее фамилией и словом, написанным черным фломастером, — «Платина».

– Ну что, девочки, как спали? – в дверном проеме палаты появилась Алла. —Нина, мне уже донесли, что ты тут сдаешься.

– Нет, я не сдаюсь, – ответила ей улыбающаяся пациентка.

– А мне сказали, что ты вчера крови захотела.

– Дык вчера была пятница 13-е. А я же говорила, что большую часть жизни провожу под землей, – уже не сдерживая смеха, продолжала Нина.

И вся палата начала смеяться вместе с ней, а Алла скрылась в коридоре.

На короткое время все вспомнили о своей обычной жизни, но сразу после ухода медсестры опять погрузились в свое состояние и побрели по повторяющимся маршрутам коридоров, по которым можно было ходить с закрытыми глазами. Натянули на себя маску холодного безразличия серых лиц, уже забывших о целительном свойстве смеха, который, как раскат грома, прокатился по палате и исчез вместе с той, другой жизнью, о которой они начали забывать. А *она* опять погрузилась в свои мысли — о том, что *ее* дома ждет семимесячный ребенок, хотя за время, проведенное *ею* в стенах больницы, он, скорее всего, забыл, что *она* существует.

Она и сама про это забывала, лежа лицом к стене, проглатывая глухое отчаяние, но смех вернул *ее* к жизни, и тупая боль сжала *ее* сердце от того, что где-то, за тысячи километров, *ее* ждет маленькая копия…

ГЛАВА 3
Беременность

Каждый месяц *она* закупалась тестами на беременность и, как только была задержка в один день, бежала в туалет проверять. Но результат всегда оказывался отрицательным. И так — на протяжении года. *Ее* гинеколог, у которой *она* наблюдалась при последнем визите, который *она* сама сделала последним, сказала:

– Чем больше вы пытаетесь создать условий и чем сильнее хотите забеременеть, тем меньше шансов, что это произойдет.

Она ушла от него полная негодования и, придя домой, еще долго возмущалась своему мужу, что врач надеется видимо на Бога, оперируя фатализмом, а не медицинскими данными, заявляя *ей*, чтобы они перестали пытаться.

Но через неделю *она* все-таки последовала совету врача — перестала покупать тесты и вообще думать о беременности, убедив себя в том, что детей никогда и не хотела, что это всего лишь навязанное социумом мнение о том, что женщина должна состояться как мать, родив ребенка.

В итоге это все-таки случилось. Летом. Спустя пару месяцев у *нее* возникла недельная задержка, но *она* не торопилась делать тест, полагая, что это очередной гормональный сбой. И только тогда, когда прошел еще месяц, *она* все-таки его сделала, и тот оказался положительным.

У Бога, видимо, на *ее* счет были действительно свои планы, и врач тогда оказался прав: мы получаем желаемое тогда, когда перестаем этого ждать.

– Как ты смотришь на то, чтобы слетать на море? – предложил ей обрадовавшийся муж.

– Да, я думаю, что в ближайшее время у нас не будет времени отдохнуть, так что это — хорошее решение! – ответила *она*.

– Тогда в выходные идем выбирать тур. Посмотри пока, куда бы ты хотела.

– Только мне надо попросить отгулы на работе, и я, если честно, сомневаюсь, что мне их дадут.

– Перенеси свой отпуск на ближайшее время, а я перенесу свой, – продолжал настаивать муж.

В итоге отпуск был спланирован, как муж и предлагал. В выходные они сходили в агентство и оплатили тур. Это должна была быть их первая поездка на море.

Когда оставалось пару недель до отпуска, у нее поднялась температура, поставив под сомнения план погреться на солнце. Температура ничем не сбивалась, и, когда *она* обратилась в больницу, ей ответили, что при беременности такое бывает - поднятие температуры, усталость. Беременность – это не патология.

Больничный *ей* не дали.

Температура, застывшая на отметке 37,5, сопровождалась головными болями, и *она* продолжала ходить на работу, тревога росла, какой-то внутренний голос подсказывал, что такого быть не должно, а коллеги подшучивали над ней, что она слишком мнительная.

Еще через неделю стало все же понятно, что ни на какое море они не летят, так как, вдобавок к температуре, у *нее* воспалились лимфоузлы: на шее, в надключичных и подмышечных впадинах. Они были болезненные, постоянно ощущалось жжение, и это превратилось в серьезную проблему. Процесс выяснения того, что происходит, занял еще пару месяцев. Это

было время походов по разным врачам и сдачи множества анализов и в итоге закончилось кабинетом онколога.

Она была на пятом месяце беременности, когда сидела на стуле в перевязочном кабинете, после удаление лимфоузла на шее. Перевязку делал сам хирург, который *ее* и оперировал. Это был мужчина с большими руками, около двух метров в высоту. Он ходил, шаркая ногами по кафелю, так что по его шагам можно было определить, что идет именно он. Всегда небритый, с лохматыми волосами. В общем, с внешностью человека, который либо часто пьет, либо просто не следит за собой. Но, так как от него никогда не пахло спиртным и в принципе на лицо он был очень милым, *она* сделала вывод, что этот человек предан своей работе и практически живет на ней. Его прикосновения, несмотря на его внешнюю грубость, были очень нежными и мягкими, такими, какими и должен обладать прирожденный хирург.

Так как *она* была в положении, операция была проведена под местным наркозом. *Она* хорошо запомнила, как лежала голая на столе с огромным прожектором прямо над головой, глубоко дыша — уже большой живот двигался вверх и вниз, поднимая пеленку, которой вскоре *ее* накрыли. Во время всей процедуры, из-за сильного страха и выброса адреналина, *она* очень много разговаривала, чтобы отвлечь себя от запаха жженой плоти, который ощущался, когда *ее* разрезали. *Она* чувствовала, как стекает какая-то жидкость по шее в район груди, и ее тут же вытирают; как что-то вытягивают изнутри, и тело, по инертности, подается вперед вслед за этим натяжением… А потом что-то оборвалось, и *она* поняла, что это сейчас отрезали часть плоти. *Она* чувствовала, как входила игла в кожу, когда *ее* зашивали, как сквозь *нее* проходит нить. И *она* проговаривала каждое свое ощущение, на что хирург отвечал:

– Да, сейчас я режу… Сейчас отрезаю… Зашиваю…

А когда все закончилось, *ее* оставили, чтобы *она* оделась. Голова кружилась, но боли не было и все же *она* разрыдалась, разрыдалась с такой силой, что хотелось сжечь всю больницу. Чтоб не закричать, *она* вцепилась в лицо руками.

В этот момент зашел врач и, увидев *ее* скорченной, спросил:

– Тебе нужна помощь?

Сделав глубокий вдох, *она* ответила:

– У меня немного кружится голова, но все в порядке.

И врач ушел.

Она оделась и уже через минуту была в своей палате, как ни в чем не бывало.

Теперь спустя неделю, *она*, сидя перед ним же на стуле, наглаживая свой живот и улыбаясь, спрашивала:

– Как там мой узел? Результаты еще не пришли?

Хирург, промазав чем-то вонючим шов на *ее* шее, ответил:

– А что узел? Подтвердили.

– А шрам останется? – продолжала *она*, все так же улыбаясь, как будто не слышала ответа.

– Нет, не останется. Я сделал аккуратный шов.

– Хорошо, все, я пошла?

– Иди.

Она вышла из процедурной и больше ни у кого ничего не спрашивала про свою болезнь, так как понимала, что это — рак.

То, чего *она* боялась больше всего.

Когда *она* зашла из процедурной в свою палату, руки сильно тряслись. *Она* ощутила комок в груди, который сдерживала, чтобы он не вырвался звериным криком, как тогда, после операции. Этот ком всегда гулял по *ее* телу, и *она* знала и чувствовала, где он, контролировала его. Он становился то меньше, то больше, а когда разрастался до размеров всего тела, у *нее* лишь текли слезы, сами по себе, и *она* так к ним привыкла, что не обращала на них внимание, о*на* даже научилась улыбаться и разговаривать, не замечая их.

Если собрать все слезы, что пролились за этот период, наверное, *она* выплакала море, на которое так хотела попасть.

Между тем рак прогрессировал, и лимфоузлы увеличивались, так что *она* не могла уже спать — любое движение причиняло боль, а температура теперь застыла на отметке 38. К этому добавились ночные потоотделения, такие, что, когда *ей* удавалось уснуть, *она* просыпалась от того, что вся одежда на *ней* была мокрой. Потом появился кожный зуд на конечностях рук и ног. *Она* все время расчесывала кожу и пила таблетки, думая, что это аллергия, но лекарство не помогало, и зуд усиливался.

Под конец *ее* пребывания в больнице у *нее* взяли еще один анализ из грудины, чтобы проверить, не поврежден ли раком костный мозг. Процедура заключалась в том, что делают прокол длинной иглой между ребер.

Анализ брала молодая девушка, и, увидев живот, растерялась, и вышла из кабинета. Вернулась с тремя коллегами.

Она так же хорошо запомнит момент, когда Мира первый раз зашевелилась в *ее* животе. Это случилось именно в момент удара иглы, когда *она* почувствовала, как ломается кость внутри *нее* и *она* делает глубокий вдох ртом, будто только что вынырнула из-под воды, в которой тонула. Ребенок так сильно толкнулась от *ее* испуга, что *она*, не ощущая боли, хрипящим голосом произнесла:

– У меня ребенок толкается!

Медсестры замерли в растерянности, а *она* все повторяла:

– Толкается… Ребенок толкается…

– Проводить вас до палаты? Голова не кружится? – «очнулась» медсестра.

Она слышала вопрос, но не ответила на него. Молча встала, оделась. *Она* была так рада, что ребенок зашевелился, ведь *она* не ощущала его и не понимала, как вообще протекает *ее* беременность. УЗИ плода ей не делали, из больницы не отпускали, а когда *она* отпрашивалась, чтобы узнать, что с ребенком, отвечали, что *она* должна думать о себе, и любой уход за пределы медицинского учреждения — это нарушение больничного листа. В тот момент она не понимала, насколько это важно или не важно. *Она* просто подчинялась, предпочитала просто ждать, терпеть и соглашаться, по привычке, которую прививают из поколения в поколение.

Когда была врачебная комиссия, *ее* попросили пройти в отельную палату в этом же хирургическом корпусе. Она сидела на стуле, а делегация из замов, профессоров стояли перед ней и разъясняла о невозможности вести лечение и продолжать беременность. Они говорили о последствиях, о том, как это влияет на плод, даже сейчас, просто в ситуации стресса. Они готовили ее к худшему, рассказывая о детских патологиях и о том, что *она*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.